

Малая сцена

Пьеса в VI картинах

Африкан Фёдорович – седовласый седобородый мужчина в очках 75 лет

Наташа – брюнетка 25 лет

Лёва (голос из iPhone)

Лента

Шнобель

Самара

Рома

Саша

Польская официантка

Полищук

Капитан с мегафоном

Ауэрбах

Спецназ (6 человек)

I. Репетиция

На сцене – имитация камерного театрального зала: в форме буквы С, лежащей на боку пустотой к настоящему зрительному залу, невысоким полу-амфитеатром расположены зрительские места.

Посередине мнимый зрительный зал надвое поделен проходом с лестницей, заканчивающимся дверью у самого задника настоящей сцены.

В центре полуамфитеатра расположена псевдосцена, на которой и происходит действие. Получается, что настоящий зрительный зал расположен как бы за задником изображаемой сцены кукольного театра или, если угодно, в некоем театральном зазеркалье.

Итак, открывается занавес, и зрители видят, что по малой сцене в инвалидном кресле неспеша движется Африкан Фёдорович. Он подъезжает к журнальному столику, стоящему у края малой сцены, на котором стоит довольно большая вертикальная чёрная аудиоколонка.

Режиссер роется во внутреннем кармане, достает айфон, что-то в нем ищет и, наконец, находит.

Африкан Фёдорович

Сейчас, Няшенька, обожди секунду.

Наташа (голос из-за кулис)

Да, Африкан Фёдорович.

Африкан Фёдорович

Смотри, музыку дам в динамик и тут же пошла павушкой. Посмотрим на шкурку и послушаем чего нам Шматов на звездочёта родил.

Наташа (голос из-за кулис)

Готова, Африкан Фёдорович.

Африкан Фёдорович, потянувшись рукой к столику, включает колонку, стоящую на столе, затем тычет что-то в айфоне указательным пальцем, и из колонки льётся странноватая небыстрая музыка, имеющая некоторые признаки декоративной русской скости.

Африкан Фёдорович отъезжает от журнального столика ближе к краю сцены, и, оглаживая бороду, выжидательно смотрит в центр.

Африкан Фёдорович (нетерпеливо, резко)

Ну, давай. Пошла быстро. В смысле – медленно.

Африкан Фёдорович под музыку начинает убаюкивающе декламировать голосом старого сказочника:

Африкан Фёдорович (сказочно)

“Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.”

Под текст Пушкина и звуки музыки, льющиеся из портативной колонки, из левой кулисы плавно появляется женская фигура.

Фигура облачена в довольно громоздкий сценический костюм: парчовая хламида, закрывающая тело фигуры от шеи до пола, расписана под лубочный русский терем, увенчанный маковкой со шпилем, на котором укреплён Золотой Петушок.

В качестве маковки терема фигурирует голова актрисы в замысловатом кокошнике. На правую руку актрисы по локоть натянута перчаточная кукла Царя Дадона.

В левой руке актриса на манер щита держит довольно большую фанерную колесницу, к которой сзади прикреплено сопровождающее колесницу условное картонное войско, ощетинившееся картонными копьями, шлемами и щитами; царя же Дадона актриса держит таким образом, что он восседает в колеснице как бы за ширмой, то есть, двумя руками актриса изображает царя Дадона, передвигающегося в колеснице с сопровождающим его войском.

Движение ног актрисы скрыто длинным парчевым подолом хламиды, расшитой красными кирпичами, а потому создается впечатление, что терем-фигура словно бы медленно вплывает из кулисы на сцену.

Наташа (вплывая на сцену, покачивая руками колесницу с сидящим в ней царём Дадоном, читает с той же интонацией, что и Африкан Фёдорович)

Перед ним молва бежала
Быль и небыль разглашала.
Под столицей близ ворот
С шумом встретил их народ.

Африкан Фёдорович (оценивающе смотрит, потирает бороду)

И где этот народ? Знаешь, неплохо зашла, да и платьице! Вполне, вполне приличное платьице, эт самое, да.... Ты смотри, прямо молодцы цеха, молодцы! А вот знаешь, давай-ка скоро теперь передо мной по центру лебёдушкой и пошла-пошла дальше по автору.

Вплыв на условный центр сцены, фигура останавливается перед Африканом Фёдоровичем и продолжает говорить текст.

Наташа (сказочно)

Все бегут за колесницей,
За Дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон...

Наташа приподнимает куклу царя Дадона над колесницей, кукла Дадона, в свою очередь, поднимает руку и приветствует условно встречающую его толпу.

Африкан Фёдорович (сказочно)

Вдруг в толпе увидел он:
В сааринской шапке белой,
Весь, как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец...

Внезапно Африкан Фёдорович раздраженно прерывает текст Пушкина, взрывается набором реплик, и, качая головой, суматошно ездит на кресле из стороны в сторону, крутя руками кресельные колеса.

Нет, ну я не могу так.. Марionетки за сценой висят. Дуб где, эт самое? Где дуб, черти его дери... Нет, ты, эт самое... Ну нам же сдаваться через два месяца, Няш... Фестиваль... Это репетиция? Не-у-ва-же-ни-е! Неуважение к Пушкину, к родному театру и своим коллегам, про себя я просто молчу, эт самое...

Наташа (весело, спокойно, помахивает ресницами и Додоном, покачивает колесницей и сопровождающими её войсками)

Может, ничего и страшного, Африкан Фёдорович? К четвергу уже вернутся, полторы недели всего и ездили. Давайте, я так пока поиграю, с воображаемым партнёром.

Африкан Фёдорович (досадливо, машет рукой)

Уважение! Где уважение? Я ведь его, стервеца, вырастил из такой вот (складывает пальцы в щепотку), прости господи, вши. Ничего не умел, ни-че-го. А вот взял – и уехал.

Наташа (успокаивающее)

Зря вы, Африкан Фёдорович... Приборский позвал.

Африкан Фёдорович (запальчиво, крайне эмоционально, потрясая руками)

Да ведь шарлатан! Шарлатан модный ваш Приборский. У него и не театр совсем, какая-то ересь египетская, прости господи. А мы с вами для детишек работаем, Няшенька, ты понимаешь?

Наташа

Понимаю, Африкан Фёдорович.

Африкан Фёдорович (горячо)

Да! И нет ничего сложнее, нет ничего благороднее, нет ничего благодарнее, чем работать для детишек, видеть их радость и слышать детский смех, ты понимаешь, Няшенька? А не вот эта вакханалия, как её биши там...

Наташа (несколько устало, вздыхает)

“Чистка”, Африкан Фёдорович.

Африкан Фёдорович

Вот, да, эт самое... Ладно, к черту. Давай-ка обратно, шатер попробуй. Иди башню сними, шатер накинь – и обратно на сцену.

Наташа, послушно кивнув, удаляется за кулисы, оттуда слышен шум. Африкан Фёдорович берет тетрадь, лежащую у него на коленях и, полистав, начинает читать.

Африкан Фёдорович (сказочно)

Царь завыл: «Ох, дети, дети!

Горе мне! Попались в сети

Оба наши сокола!

Горе! Смерть моя пришла».

Все завыли за Дадоном,

Застонала тяжким стоном

Глубь долин и сердце гор,

Потряслося.

Готова, Няшенька?

Наташа (голос из-за кулис)

Секунду, Африкан Фёдорович, у меня молния заела (слышен шум). Всё,

справилась.

Африкан Фёдорович

Давай.

Из-за кулис стремительно появляется Наташа. Теперь вместо парчового терема с кирпичами на ней расшитый золотыми звёздами и полумесицами сарафан, напоминающий юрту, резко расширяющийся к полу. Обнаженные её плечи и золотистый лиф выставлены напоказ, на голове – подобие восточной чалмы.

Африкан Фёдорович (удивлённо)

Потряслося! Вдруг шатёр

Наташа распахивает двумя руками сарафан и зрители видят, что под сарафаном на Наташе надеты сказочные парчовые шаровары, на которых нарисована кровать и прочее шатровое убранство, на ногах – сафьяновые туфли с загнутыми носами, живот от лифа до бедер гол и сверкает кольцом в пупке.

Распахнулся... И девица,
Шамаханская царица,
Вся зияя, как заря,
Тихо встретила царя.

Ай молодцы цеха!

Наташа, улыбаясь, смотрит на куклу царя, одетую на ее правую руку, кланяется ей в пол. Продолжает читать авторский текст за Африканом Фёдоровичем.

Наташа (держит перед собою куклу царя, сказочно читает Пушкина)

Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей

Африкан Фёдорович (сказочно)

И она перед Дадоном
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.

Под эти слова Наташа помещает куклу царя запазуху, запахивает сарафан и, кланяясь зрительному залу, уходит за кулисы.

Африкан Фёдорович (смотрит в тетрадь, сказочно)

Там за стол его, ага, ага...

Всяким яством...

Так, отдохать...

На парчовую... Хм, эт самое... Няшенька, вот что... Знаешь, ты, давай-ка, костюмы не надевай. Иди так, мы с тобой сейчас над текстом поработаем.

Наташа (голос из-за кулис)

Хорошо, Африкан Фёдорович, я переоденусь быстренько.

Африкан Фёдорович (рассеяно смотрит тетрадь)

Переоденься, милая. Как Варвара?

Наташа (голос из-за кулис)

Молчит Варвара.

Африкан Фёдорович

Ничего, заговорит.

Наташа (голос из-за кулис)

Логопед успокаивает, а я чего-то волнуюсь. Ни звука, Африкан Фёдорович! Других, вон, не заткнёшь. Может, ещё кому её показать?

Африкан Фёдорович

Вздор. Ромушка тоже молчал, смотрел, а потом словно прорвало, эт самое. Да быстро так – будто включили.

Наташа

Ох, хорошо бы, Африкан Фёдорович.

Наташа выходит на сцену в черных легинсах, обтягивающих длинные стройные ноги и пышные бёдра, она в чёрном спортивном топе, волосы убраны в клубок. Встает перед Фёдором Африкановичем.

А как там Рома, Африкан Фёдорович?

Африкан Фёдорович

Во Вроцлаве Ромушка, час назад говорили. Почти и не звонит. Общаемся в телеграмме пару раз в месяц.

Наташа

Так он же в Тель Авиве?

Африкан Фёдорович

Не сидится ему на месте, криптá у него.

Наташа

Крипта?

Африкан Фёдорович

Крипта́, эт самое. Представления не имею, что это за крипта́ такая. А ведь какой способный... Ладно, давай-ка мы с тобой... Ты постой, постой на ножках, так быстрее усвоишь.

Наташа

Я стою́, Африкан Фёдорович.

Африкан Фёдорович

Вот и умничка. Давай просто почитай, без игры.

Наташа

С самого начала почитать, Африкан Фёдорович?

Африкан Фёдорович

С него, милая. Читай весь текст, за Лёву тоже почитай. Будем полниться смыслами, эт самое. Знаешь наизусть?

Наташа

Знаю, Африкан Фёдорович.

Африкан Фёдорович

Ну, давай, поехали. Мне читай, не в зал.

Наташа, стоя напротив Африкана Фёдоровича, начинает сказочно зачитывать Пушкина, уютно улыбаясь и умеренно жестикулируя руками.

Наташа (сказочно)

Нéгде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.

С молоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить.

Африкан Фёдорович (прищурившись, поглаживая бороду, перебивает и
благодушно объясняет, тщательно выбирая слова)

Стоп. Вроде бы так себе стишкы, да? Сказочка, то-сё... Но! Вот в этих двух четверостишиях, Няшенька, гений Пушкина парадоксально показал всю природу, хм, унитарных межчеловеческих взаимоотношений, всю, эт самое, тщету прижизненной борьбы человека за добычу, суetu поглощения чужого перед, хм, неизбежным человеческим же желанием покойно существовать в конце остаток отведенного ему времени, Няшенька.

То есть, хм, сильный пушкинский царь Дадон всю жизнь жравший слабого, к старости, теряя силы, сам, хм, неизбежно становится слабым и очень беспокоится о том, что сейчас его неминуемо начнут употреблять точно так, как он, хм, будучи сильным, поступал со слабыми всю свою дадонскую жизнь. Следишь за моей мыслью, Няш?

Наташа (улыбаясь)

Слежу, Африкан Фёдорович. Так это ведь Лео текст вообще-то. Он его в костюме дуба читает, а царя марионеткой водит.

Африкан Фёдорович (ядовито)

Ты мне, милая, хочешь об этом напомнить? Хочешь сказать, что я не в курсе, где в моей постановке чья реплика? Я правильно тебя сейчас понял? Правильно расслышал тебя, Няш?

Наташа (растерянно)

Я, Африкан Фёдорович, просто... Лео же там...

Африкан Фёдорович (резко перебивает, продолжает ещё более ядовито)

Понимаю, Няшенька. Просто ты, двадцатипятилетняя актриса, хочешь рассказать мне, семидесятилетнему режиссеру, где в спектакле у какого актера какая реплика, какие роли исполняют актёры, каких кукол они водят... Я тебя правильно понял, Няш? Про мою сценографию хочешь мне рассказать, да? (*Рявкает*) Правильно или нет?

Наташа (потупившись, тихо)

Нет, Африкан Фёдорович. Простите, Африкан Фёдорович... Я...

Африкан Фёдорович (закрывает глаза рукой, в ажитации, с укоризненным надрывом)

Нет, это просто поразительно. Пятьдесят пять без малого лет! Почти пятьдесят пять лет я ставлю в куклах для детей, Няш. Чего только я не видел и с кем только я не работал, но чтоб каркас постановки уехал за два месяца до премьеры на гастроли с антрепризой... Чтобы молодая актриса без году неделя, которую я просто прошу зачитать мне авторский текст Пушкина и спокойно выслушать мои замечания по его смысловому наполнению, указывала мне где чья роль? И ты, Няша! От тебя я такого ну никак не ожидал. Совершенно не ожидал.

Африкан Фёдорович укоризненно качает поникшей головой.

Наташа (начинает потихоньку всхлипывать)

Да что вы такое, Африкан Фёдорович... Я же к вам как к папе своему, честное слово... У меня и в мыслях не было обидеть вас, проявить неуважение там. Я просто про Лео вспомнила, про дуб и...

Наташа прячет лицо в ладони и продолжает всхлипывать.

Африкан Фёдорович (горько, смотря в пол, закрыв глаза рукой, как бы не слыша всхлипываний девушки)

Не ожидал, Няшенька. Вот от тебя, милая, абсолютно... Знаешь, всё хорошее в жизни начинается с уважения, запомни это, пожалуйста. Не для меня запомни, для себя и Вари запомни...

Наташа (начинает рыдать в голос)

Зачем вы, Африкан Фёдорович... Ну простите меня, Африкан Фёдорович...

Наташа горько плачет ибо имеет ко всему свежий предменструальный синдром, третий год молчит Варвара, да и вообще – жизнь что-то с самого её начала дала некоторую трещину, а тут ещё старый этот поц.

Африкан Фёдорович, видя, что актриса успешно доведена до слёз, тут же становится добр. Говорит ласково, участливо.

Африкан Фёдорович (ласково, по-отечески, вертя руками колеса кресла, тщательно ездит на нем вокруг Наташи)

Ну вот-те раз – уже и потекло... Няшенька, да ты что же плачешь, доченька, из-за каких пустяков? Ну посуди ты сама, куда такое годится: ведущий актер уехал за два месяца до премьеры с чужими за бугор, ведущая актриса вместо того чтобы внимательно слушать и выполнять указания режиссера, рассказывает ему у кого какой текст. Давай-ка ты подсыхай, милая. Слезам на репетиции не место, твоя профессия для сильных духом.

Наташа (всхлипывает, плачет)

Я не плачу, **Африкан Фёдорович.**

Африкан Фёдорович (по отечески, осторожно похлопывая рукой по Наташиной коленке)

Как же ты не плачешь, Няшенька, если у тебя из глаз слёзы текут? Ну-ну, давай-ка, перестань.

Наташа (всхлипывает, вытирает глаза рукой)

Я уже всё, Африкан Фёдорович, извините.

Африкан Фёдорович (удовлетворённо кивает головой, добродушно улыбается)

Вот и славно. Идём дальше по Александру Сергеевичу. Читай дальше, милая. Со слов “И покой себе устроить”.

Наташа послушно кивает головой, остаточно всхлипывая, и начинает декламировать со сценической тревогой в голосе

Наташа

И покой себе устроить.

Тут соседи беспокоить

Стали старого царя,

Страшный вред ему творя.

Чтоб концы своих владений

Охранять от нападений,

Должен был он содержать

Многочисленную рать.

Воеводы не дремали,

Но никак не успевали:

Ждут, бывало, с юга, глядь,
—Ан с востока лезет рать.

Африкан Фёдорович (поглаживая рукой бороду, тщательно подбирай слова)

Ага, ага. Погоди-ка, я тебе расскажу. Здесь, Няшенька моя, у классика, через призму переживаний дряхлеющего властителя, жаждущего, кроме покоя, хм, сохранения своей позиции, как неизменяемого, хм, status quo, эт самое, отражена динамическая кривая развития человеческой цивилизации, эволюционирующей, хм, исключительно в состоянии перманентной войны, то есть – в состоянии постоянного передела собственности с помощью управляемого насилия. Ты понимаешь, Няшенька?

Наташа (успокоившись, весело)

Вроде бы я понимаю, Африкан Фёдорович. Только на иностранном про сохранение позиций, вот тут я не очень поняла. Это вы на французском?

Африкан Фёдорович

Где это я на французском? (усмехается) А, ты про status quo? Няшенька, так это латинизм, эт самое. Дословный перевод с латыни – “существующее положение вещей”.

Внезапно раздаётся характерный рингтон айфона, Африкан Фёдорович реагирует со значительной нотой недовольства в голосе:

Это почему у тебя на репетиции телефон не выключен?

Наташа (оправдываясь, извинительно)

Извините, Африкан Фёдорович, я насчёт Вари жду – обещали в экспериментальную программу устроить. Там очередь на год, но мне по блату сразу обещали.

Африкан Фёдорович (добродушно)

Ну, ответь, милая.

Наташа достаёт из заднего кармана леггинсов звонящий айфон, смотрит на него.

Наташа

Ой, Африкан Фёдорович, это Лео в телеге. Я сброшу тогда?

Африкан Фёдорович (раздраженно)

Ответь, всё равно прервались. Заодно спроси – когда быть соизволит.

Наташа держит телефон перед собой и включает громкую связь, из динамиков айфона слышится явно нетрезвый голос.

Голос из айфона

Натах! Это ты, Натах?

Наташа держит перед собой айфон, смотрит в него и отвечает

Наташа (весело, смотрит в айфон)

Ой, Лео! Вы на море, что-ли?

Голос из айфона (возбуждённо)

Мы сейчас тут на озере бухаем, такая красота, Натах! Короче, гран-при взяли! Сделали всех, Натах! Победа, Натах!

Африкан Фёдорович, сидя в кресле, качает головой, машет рукой.

Наташа (радостно)

Ой, Лёвушка, я поздравляю! Слушай, а я тут на репетиции с Африкан Фёдоровичем, он спрашивает, когда ты в театр придёшь.

Голос из айфона (весело)

А-ха-ха, Гэндальфу привет из финки! Скажи, послезавтра вечером в Питере, в понедельник на репетиции.

Наташа (растерянно)

Лео, ну ты... Мы на громкой связи же, вот тут Африкан Фёдорович рядом со мной...

Голос из айфона (весело)

А что я? Со всем уважением к мэтру, водки финской привезу в подарок. Африкан Фёдорович, приветствую! Фёдор Африканович, то есть, Африкан Фёдорович, вы не переживайте, я наш дуб лучше настоящего исполню.

Наташа подходит к айфону к Фёдору Африкановичу, присаживается перед ним на корточки и разворачивает экран с Левой к лицу режиссера с целью улучшить коммуникацию.

Африкан Фёдорович (смотрит в айфон, добродушно, но солидно, с оттенком учительства, громко)

Что ж, поздравляю с победой, ученик. Ты быстрее возвращайся, сам знаешь – вся постановка на тебе.

Голос из айфона

Железно, Африкан Фёдорович! В понедельник как штык на репу к 11...

Африкан Фёдорович (поднимает вверх указательный перст правой руки, помахивает им, веско говорит)

К 9:30, Лео, будь добр в понедельник быть.

Голос из айфона

Да, я понял. Ладно, у нас тут мясцо́ подошло, приеду – расскажу. Всех обнял.

Наташа

Отключился Лёва, Африкан Фёдорович.

Африкан Фёдорович

Ну, бог с ним. Давай-ка мы с тобой по тексту дальше. Оттуда, где встали.

Наташа

Справят здесь, лихие гости
И дут от моря...

II. Вторжение

С треском распахивается дверь, ведущая в зрительный зал. Расположена дверь по центру конца прохода, разделяющего мнимые зрительские места, выстроенные на сцене, ровно пополам. То есть, дверь расположена ровно по центру настоящего задника сцены. Итак, эта самая дверь с треском распахивается и в проход вваливаются трое: первым появляется юркий худой мужчина, а следом за ним – две женщины.

Шнобель (кричит)

Попали, бля. Надо двери! Двери чем? А? Лента, чем двери запереть?

Лента

А хуй знает, чем. Самара, чем двери запереть?

Самара

Да я ебу, что ли, чем двери запереть? Я че тебе, ключница?

Шнобель

Чем же двери запереть? Ой-ей... Ну, пиздец. Попали, пиздец.

Мужчина судорожно озирается по сторонам, видит стоящий рядом с дверями стул, хватает его и вставляет задней ножкой в дверные ручки таким образом, что дверь оказывается заблокирована. В дверь тут же кто-то начинает ломиться снаружи так, что она ходит ходуном.

Шнобель (в сторону двери)

Стоять! Стоять, бля, у меня заложники! Убью нахуй! Девки, от двери отойдите.

Женщины послушно ссыплются в кресла по обе стороны от двери. Шнобель, держа перед собой пистолет, бежит к сцене, запрыгивает на неё, толкает кресло с Африканом Фёдоровичем, кресло вместе с режиссером валится набок, затем Шнобель хватает Наташу за волосы, и, приставив ей ствол к голове, тащит к дверям.

Шнобель

Слышь, пидаrasы! У меня тут заложница и заложник. Сунетесь – решу. Истинно говорю, решу. Уроды, бля.

Голос из-за двери (в мегафон)

А не гонишь ли ты, винтовой? Может у тебя там, кроме шмар твоих, и нету никого, а нам ты мозг сейчас вкрутить пытаешься?

Шнобель (дергает Наташу за волосы)

Ну-ка, скажи мусорам.

Наташа (визжит)

А-а-аа! У него пистолет, он меня убьёт! Помогите! А-а-а-а

Шнобель

Слышали, пидоры? Если че – сразу на волыну её. Поняли, нет?

Голос из-за двери (в мегафон)

Спокойствие, молодой человек, только спокойствие. Мы поняли, не горячись. Хватит тебе старушки с кассиршей, больше не убивай, всё спокойно можно решить.

Шнобель (нервно)

Че решить? Какая старушка? Че ты гонишь?

Голос из-за двери (в мегафон)

Та, которую ты у гостинки переехал, деятель. И кота. Она кота в переноске несла. Какие у тебя требования?

Шнобель

Требования? Какие ещё требования? А, требования... Свалите, короче, отдошаться надо. Будут требования, истинно говорю. Отвалили от входа, сказал, или я ей башку прострелю нахуй!

Голос из-за двери (в мегафон)

Спокойствие, только спокойствие. Подумай, чё те надо, переговорщику скажешь. Ладно, уходим. Ты, главное, спокойно. Мы тут напротив.

Слышатся шаги людей, удаляющихся от дверей, также слышен звук полицейских сирен – это патрульные машины прибывают к месту чрезвычайного происшествия.

Шнобель (женщинам)

Че делать будем?

Лента

Самара, чё делать будем?

Самара

Да я ебу, что ли, че мы делать будем? Я че тебе, отдел планирования?

Шнобель (Ленте)

Че ты у нее всё время переспрашиваешь? Свои мозги посохли?

Лента

Да пошел ты. Сам-то че переспрашиваешь?

Самара

Отпусти волосы, Шноб. Оторвёшь девке.

Шнобель послушно разжимает руку, Наташа плачет. Шнобель, целясь в Наташу, указывает ей пистолетом в сторону сцены, машет второй рукой сидящим по обе стороны от двери женщинам и все четверо движутся от двери по направлению к лежащему на сцене рядом с перевёрнутым инвалидным креслом Ивану Африкановичу. Все поднимаются на сцену. Осматриваются.

Шнобель присаживается на корточки и всматривается в лежащего режиссера.

Шнобель (тычет стволом в плечо режиссера)

Вы кто вообще, бля, такие? Дед, ты живой или мертвый?

Африкан Фёдорович (стонет)

Я не знаю... Эт самое... Почему вы...

Шнобель (чешет стволом лоб)

Да мы тут шли... Давай-ка, дед, обратно на трон.

Шнобель ставит перевернутое кресло на колеса, берет Африкана Фёдоровича под мышки и сажает его обратно в инвалидное кресло, затем указывает Наташе пистолетом на Африкана Фёдоровича.

Шнобель

Тихо, дедок. Барышня смирно рядом.

Наташа послушно и поспешно садится на корточки рядом с инвалидным креслом Фёдора Африкановича. Лента тащит в левой руке довольно увесистый холщевый мешок, из дыры в котором сыпается по полу редкой латунной нитью железнная мелочь.

Лента (смотрит под ноги, затем на холщевый мешок в руке, озадаченно говорит)

Бля... Тут же дырка, оно всё просыпалось...

Самара

Это че такое? Лента, зачем милостыню взяла? Лучше бухла бы какого прицепила или, я знаю, жевачек с гандонами.

Лента (держит в руке мешок, смотрит на него, из мешка сыплются редкой струйкой монеты)

Так Шноб подал – че, надо подискутировать с ним было? Типа – господин Шнобель, не могли бы вы объяснить мне целесообразность изъятия, а то я не совсем уверена...

Самара

Послала бы на хуй – да и всё.

Шнобель (нервно, держит под прицелом сидящих рядом Фёдора Африкановича и Наташу)

Че ты гонишь, какую ещё милостыню я тебе подал? Ниче я тебе не подавал, не было такого.

Лента (смотрит на мешок в вытянутой руке)

Че я тут, выдумываю? Взял за прилавком мешок после, как кассиршу ёбнул и мне сунул. Касса пустая была, а мешок целый стоял. Ничего не помнишь, утырок. Вот, пожалуйста, написано: на храм Николая Чудотворца в Репино.

Шнобель (озадаченно, смутился)

Как это на храм? Где на храм?

Шнобель берёт у Ленты мешок и внимательно смотрит на него

Воспомоществование на возведение Храма Святого Николая Чудотворца в Репино. Вот, блядь... Горе мне! Я же не знал, Господи, я же не нарочно... Прости, Господи! Господи, спаси и сохрани!

Шнобель троекратно истово крестится правой рукой с пистолетом, держа мешок с добычей левой рукой. Перекрестившись, Шнобель стоит и чешет пистолетом лоб. Женщины стоят рядом.

Шнобель (смотрит в сцену, затем аккуратно ставит мешок на сцену себе под ноги)

Божечки, божечки.... Реально грешники мы, несть нам прощения, внатуре... Чего делать-то? Надо какие-то требования ментам... Они требования просят... Давай, может, вертолёт закажем? И бабки?

Самара

Вертолет – нормальная тема, можно к финнам улететь. Или к шведам.

Шнобель (оживляясь)

Точняк! Попросить, типа, шведского политического убежища. Я в новостях слыхал про такое в детские свои годы. И лимон грина.

Лента

Че такое лимон грина у сканов? Лимон мало, надо не меньше двух. А ты че, Шноб, умеешь на вертолете рулить? Я и не знала, что ты такой у нас талант.

Шнобель (озадаченно)

Да нет, я так-то кроме машины разве только ещё на велике могу.

Самара (саркастично)

Так ты велик тогда у мусоров и проси. Трёхколёсный проси. Всем чтобы по колесу.

Шнобель (саркастично)

Какое тебе колесо? Тебя от винта ещё тащит мама не горюй.

Самара (трёт лицо)

Да уже попускает изрядно.

Лента

В финку вообще-то на корабле плыть прикольно.

Шнобель

Че мне, корабль у мусоров попросить? Че ты несёшь, Ленточка?

Лента

Да пошел ты. Надо вертолет с автопилотом просить, пусть отвезёт нас и уебывает.

Шнобель

Автопилот – это когда никого за рулём нет, а вертолет сам летит. Увертолётов такого и не бывает никогда, дура.

Лента (огрызается)

Сам дурак, шуток не понимаешь.

Шнобель

Жопе своей умной пошути. Слыши, дед, вы кто такие, ну-ка объявись.

Африкан Фёдорович (подняв руки вверх, запинаясь)

Мы... Спектакль... Для детей... Эт самое...

Шнобель (наставляет на Африкана Фёдоровича ствол, кричит)

Че? Че ты гонишь? Какой спектакль, для каких детей?

Наташа (испуганно, подняв руки вверх)

Для маленьких детишек от 3 лет. Не стреляйте, пожалуйста. Это детский театр кукол, у нас тут репетиция шла. По Пушкину.

Шнобель (ошарашенно, опускает ствол)

Господи... По Александру Сергеевичу? Для дётушек? Бля... Ну, попали. Лента, мы... Бля...
Как же так... Для маленьких детушек... Для малых детушек... Бля... Господи, спаси и
сохрани (крестится)... Грех-то какой... По Пушкину, в натуре! Ой-ёй...

Самара

Че тебе малые детушки? Тут малых нету, а эти – большие вполне. Ты че загнался?

Лента

Да он же вечно по грехам загоняется, че ты спрашиваешь? У ево батяprotoеврей.

Шнобель (присаживается на корточки рядом с креслом Африкана Фёдоровича и Няшей,
свесив пистолет к полу, говорит гораздо спокойнее)

Протоиерей, дура... Папеньку не трожь, светлая ему память. Это же какой грех, детушек малых обижать. Последняя тварь малых детушек не трогает. Бля, детский театр... А мы что же? Господи помилуй (истово крестится, говорит участливо). Да ты не бойся, старче, мы же не отмороженные какие. Мы же про детушек всё понимаем. Господи помилуй (крестится). Че за спектакль, дедушко? Про балду, что-ли?

Лента и Самара, тем временем, тоже опускаются на сцену неподалёку от кресла Фёдора Африкановича. Лента садится на пол и, обняв руками колени, покачивается из стороны в сторону. Самара, посмотрев на Ленту, присев на корточки, через мгновение ложится на спину, положив под голову руки и закидывает одну ногу на другую.

Африкан Фёдорович (робко, опасаясь преступников)

Мы, понимаете ли... Ставим, так сказать... Эт самое.... Цикл... Сказки Пушкина ставим... Сегодня “Золотого Петушка” repetируем, но, знаете, “Сказка о попе и его балде” у нас... Эт самое... Присутствует, конечно. У нас, видите, и Руслан-Людмила, и Рыбка... Золотая... Шесть штучек всего вместе будет... О царевне и семи богатырях, конечно же... И царь Салтан. Если, конечно, вы нас... В общем, в год юбилея смерти классика... Такой вот... Ну, спектакль, так сказать... Большой... Эт самое...

Лента (раскачиваясь)

Оооо! Царь Солутан! “Люблю тебя, винта варенье...” Помнишь первый курс Герцена, милый? Педуху нашу родную помнишь, Шнобель? Не совратил бы, изверг, сейчас бы литературу с русским спиногрызом тёрла, как приличная леночка.

Шнобель (зло)

Это кто совратил? Кто юношу невинного в аудитории на парте поимел? Ширево в группу кто притащил? Я про винт с девками и не слыхивал тогда. Щас я всё тебе припомню про приличную леночку, сука. Господи прости (крестится).

Лента громко хрюпло смеётся и продолжает раскачиваться, обняв руками колени.

Самара (глядя в сценический потолок, болтая ногой)

Котятки, не ссорьтесь, че вы как армян с азером? Мы же с вами три в одном, почти как СССР. Ван пис, котятки, ван лав, золотые мои.

Шнобель

Слыши, СССР, ты не в Лисьей бухте, на мне две мокроты и с этими решать надо (машет рукой в сторону заложников). Ванпис... Менты везде... Ой-ёй... Попали – пиздец... Господи!

Внезапно Шнобель закрывает лицо руками, падает на колени перед инвалидным креслом Африкана Фёдоровича. Пистолет в одной из его рук.

Как же это... Ох... На храм Николая Чудотворца... Александр Сергеевич... Детушки малые... Грешны, грешны... Истинно, пред Господом ответ будем держать, Он простит ибо милосерден. Главное – покаятся искренно. Господи помилуй нас грешных (крестится пистолетом). Господи, спаси и сохрани...

Увидев боковым зрением некое движение в инвалидном кресле, Шнобель, стоя на коленях, вздергивает пистолет, направляет его на Африкана Фёдоровича и кричит. Наташа кидается на пол навзничь, закрыв голову руками.

Стоять, бля, сидеть, сука, положу на месте! Ты чё, старый, маслину всосать хочешь? Смирно сидеть, я же сказал, граблями не дёргать...

Наташа начинает всхлипывать и тихонько плачет, Африкан Фёдорович медленно поднимает руки вверх

Африкан Фёдорович (испуганно)

Я, эт самое, нос... Почесать... Вот, видите... Эт самое... Не встать мне, паралич у меня... Нижних... ног...

Наташа (лёжа, сквозь слёзы)

Пожалуйста, не убивайте нас, у меня дочка немая два годика, как она одна будет без меня... Пожалуйста, не убивайте, пожалуйста... Ну пожалуйста, не убивайте...

Самара

Шноб, ты чё вызверился? Посмотри на них, че они нам сделают? Это же инвалидный дедмороз со снегурочкой.

Наташа (плачет)

Пожалуйста, не стреляйте, пожалуйста, пожалуйста...

Лента

Слыши, любимый... Может, ты, правда, как-то полегче, а то всё же театр там, куклы, детушки малые. Грех ведь, да?

Шнобель, стоя на коленях, истово трёт лоб тыльной стороной руки, другую руку с наведённым пистолетом он через какое-то время опускает вниз.

Шнобель (медленно, глухо говорит, смотрит в пол)

Почему мы здесь?

Самара

Че, не помнишь что ли? У Мишани на Васильевском свежим вмазались и гулять пошли... Я...

Лента

Самар, да он загнался опять по грехам своим.

Шнобель (поднимает голову, перебивает, закрывает лицо руками)

Как мы до жизни такой дошли? Кто я такой, чтобы стволом людям в лицо совать, а?
Господи...Кто я, сука, такой? (Орёт) А????? КТО.... Я.... ТАКОЙ????

Шнобель снова наводит ствол на Африкана Фёдоровича, тот вжимает голову в плечи, закрываясь руками, Наташа тоже закрывает голову руками и вжимается в пол.

Шнобель снова опускает ствол и, резко меняя интонацию, говорит тихо:

Дедушко, ты уж на нас... мы, это... Сам понимаешь... Сгоряча... Простишь? Простишь, говорю? (Кричит) Ты чё, ещё и глухой, дед? Простишь или нет, старый пень?

Африкан Фёдорович (машет руками)

Я... Что вы! Я, эт самое, конечно...

Шнобель

Громче шепчи, не слышу.

Африкан Фёдорович (прокашлявшись)

С великой радостью.... Прощу, и Наташа тоже простит.... Да ведь, Наташа?

Наташа (с энтузиазмом)

Конечно, Африкан Фёдорович... Я... Простите нас... То есть, извините, прощаем вас, конечно... от всей души....

Самара

Африкан Фёдорович? Ты что ли негр, дедушко Африкан?

Африкан Фёдорович

Что вы, эт самое... Я русский! Отец мой из старообрядцев, эт самое... Может быть, поэтому.

Шнобель (пристально вглядывается в лицо Наташи)

Наташа? А отчество какое будет, Наташ?

Наташа (робко)

Николаевна. Наталья Николаевна.

Шнобель подходит к Наташе, садится перед ней на корточки и внимательно смотрит в глаза, начинает спутанно бормотать.

Шнобель

Ну, пиздец... Как у Пушкина совсем... Вы, Наталья Николавна, уж простите нас великолепно... Вышло так неловко ибо, знаете ли, заштырены мы с самого полудня нешуточно. Правда, профиль у вас весьма сильно на ейный похож... Наталья Николавна, да как же... Открой сомкнуты негой взоры... И гений, пародоксов друг... Слыши, я локон чутка подправлю? Милая моя, солнышко лесное...

Шнобель начинает нежно гладить дрожащую Наташу по щеке стволом пистолета, второй рукой нежно поправляет ей волосы, затем разворачивает её голову за подбородок к себе и тянется к ней губами.

Лента (возмущённо)

Ты что это, гений парадоксов, в край уже охуел? Мы тут вообще-то рядом, а ты случайную девку мацаешь. Причём тут Пушкин, кобелина?

Шнобель (отстраняется от Наташиного лица)

Спокойно, христианка. Она на бабу евонную похожая как две капли. У нас дома в библиотеке портрэт имелся.

Самара

Друг мой, крышечку срочно присади. Ахтунг, ахтунг, сие заложница есть. На улице менты требований ожидают. Одуванчик у забора, блядь.

Шнобель (нехотя отрывается от объекта коммуникации и встаёт на ноги)

Остановите сейчас вагон, внатуре. Че такого-то, подумаешь... Я же чисто локон подправить. Похожа, внатуре, как на портрэте... Не держи зла, дедушко... И вы, барышня николаевна, тож простите... День сегодня чета неважный... Не сложился сегодня денёк...

Наташа всхлипывает и плачет. Шнобель встаёт на ноги и начинает медленно ходить из стороны в сторону

Исповедаться бы, девки... Мне теперь невмоготу... Надо, короче, мне срочно на исповедь ибо скопилось грехов на душе...

Лента

На тебе, ещё лучше... Ты где сегодня ударился, любимый? Кому исповедоваться собрался? Мне, Самаре? Или Наталье Николаевне?

Самара

Ты если кому исповедуешься, тот замертво упадёт.

Шнобель (горячо, увлечённо говорит, ходит всё быстрее)

Погодите... Папенька ещё в отрочестве обучил, светлая ему память: понаделаешь херни какой – ну там кошку об стену ёбнешь или варенья лишнего попьёшь. Совесть, короче, включается и ест тебя по-тихому, типа как лисица спартанская. Ну а ты такой – шасть в храм божий... Поговорил с батюшкой – и всё, в дамки: официально Господом испрощён, совесть тут же себе лесом гуляет, как её и не было, а на душе чисто, сухо и светло.

Самара (участливо)

Да ты чего такое несёшь, бедняга? Водички попей.

Шнобель (решительно)

Всё, требования я придумал, лишнего у родины просить не будем. Пусть менты сюда нам батюшку подгонят, два лимона грин и вертолёт до Швеции. Душу облегчим – и к викингам. Норм?

Лента (саркастично)

Ну ты молодец вообще. А че, попа с собой к финнам, что ли, потащим?

Шнобель

Это с чего ешё? Там своих полно. Исповедь примет, причастит – и обратно паству окормлять. А мы полетим.

III.Осада

На авансцене – диагональю выставлен белый фанерный микроавтобус с работающими мигалками. Спереди и сзади микроавтобуса, прячась за ним, целятся в направлении здания театра застывшие в разных позах снайперы-спецназовцы в масках и камуфляже. Всего их шесть штук.

Здание театра с закрытой входной дверью расположено у задника сцены. Возле входа виден силуэт квадратного джипа с распахнутыми дверями. Рядом стоит чёрная фанерная полицейская машина с включенными мигалками. Рядом с ней видны стоящие фанерные силуэты ментов в форме. Тут же стоят двое живых ментов в гражданском. У одного из них в руках мегафон.

Капитан с мегафоном (в полголоса доверительно второму)

Башка сейчас расколется к херам. Пивка бы холодного и сто пятьдесят, а не вот это всё.

Полищук (сочувственno)

Праздновали вчера, товарищ капитан?

Капитан с мегафоном (хрипло)

День кинолога, мать его.

Полищук (сочувственno)

Имеете отношение, товарищ капитан?

Капитан с мегафоном (обречённо)

Имеем ешё как... Отец с матерью и тёща на пенсии, а жена – действующая вполне. Кинологесса. Или кинологиня? Как их сейчас по-женски, я хер его знает. Каждый год, каждый сраный год одно и тоже: на даче шашлычка прикусят, накатят — и давай про церберов своих затирать. А я каждый раз в хлам убираюсь.

Полищук

Сочувствую, товарищ капитан. Тут рюмочная в двух шагах, вы подлечились бы, да и всё.

Капитан с мегафоном (трёт лоб)

Нельзя, старлей, никак сейчас нельзя. Ауэрбах уже здесь, а там, глядишь, и штурм не за горами.

Полищук

Ауэрбах? Из высших кто, товарищ капитан?

Капитан с мегафоном

Майор, переговорщик из центра Б. По борьбе с антитеррором.

Полищук (недоуменно)

По борьбе с антитеррором?

Капитан с мегафоном

С террором, конечно. Моя бы воля, отморозков этих положить надо, конечно. В кукольном театре заложников взяли, нелюди. В детском кукольном, сука, театре! Заложников! Ох, колбасит-то как, Полищук... Может, правда, полечиться? Не, не, нельзя сейчас.

Полищук

Наркоманы проклятые, товарищ капитан, что тут ещё скажешь? Я бы тоже, конечно, при задержании таких живыми не брал. А вы всё же полечитесь. Хотите, сбегаю, принесу?

Капитан с мегафоном (закуривает сигарету, испытывающе смотрит на лейтенанта)

Хороший ты парень, Полищук. Ну... Давай, сбегай.. Только быстро (*капитан достаёт из внутреннего кармана пятитысячную купюру и протягивает её старшему лейтенанту*) Ты возьми тогда 150 кристалловской столичной прямо в пластиковом стакане и литр колы, бутерброд, может, какой. И жевачек ещё мятых прицепи.

Полищук (берёт и прячет купюру, оглядываясь по сторонам)

Две минуты, товарищ капитан. Всё будет хоккей.

Капитан с мегафоном (вздыхает)

Только чтобы коллеги не видели, хокей...

Старший лейтенант Прищук осторожно оглядывается на фанерные фигуры ментов, кивает и быстрым шагом уходит в правую кулису. Тут же из кулисы левой быстрым шагом выходит невысокий худощавый мужчина. Человек имеет умеренно короткую прическу, состоящую из аккуратно уложенных седых волос, одет человек в темно-серый плащ. На человеке имеется галстук, что позволяет зрителю догадываться о наличии под плащом также и костюма. В руках у человека внушительных размеров рация. Человек бесшумно подходит со спины к смотрящему в направлении правой кулисы капитану, в двух шагах от него резко останавливается и, с целью обнаружить свое присутствие, в меру деликатно покашливает ровно два раза.

Ауэрбах (кашляет в кулак)

Кхм... Кхм...

Капитан, судорожно вздрагивая, с испугу роняет мегафон, который при ударе о сцену издаёт треск, писк и ещё какие-то трудноидентифицируемые звуки, продолжающие звучать, впрочем, относительно короткий отрезок времени – секунды три или, быть может, пять.

Капитан без мегафона (нагибается к сцене, чтобы поднять устройство)

Чёрт... Кто здесь?

Ауэрбах (всматривается в капитана)

Болеешь, капитан? Майор Ауэрбах, центр Б. Извини, вижу, напугал. Ну, чего тут у тебя сегодня?

Капитан с мегафоном (выправляется, отирает испарину со лба, говорит быстро и чётко)

Извините, товарищ майор, нервы. Тут у нас сегодня труба: трое террористов, вооружены пистолетом – мужчина около тридцати плюс две женщины примерно того же возраста, предположительно, под воздействием метамфетамина. Винтовые, в общем. Двое заложников у них – режиссёр кукольного театра и актриса. Репетировали. Слава богу, спектакля не было, а то бы полон зал детишек. В театр преступники случайно залезли, убегали от полиции, а до того угнали джип – вон стоит (показывает рукой на стоящий неподалёку от входа в театр неясный тёмный силуэт машины). Пытались ограбить автозаправку на Обводном, да инкассаторы незадолго до того выручку вывезли. Кассирша заправки, девушка двадцати четырёх лет, в реанимации с проломленным черепом. После раздавили пенсионерку семидесяти девяти лет на пешеходнике у Гостинного, вместе с котом, сволочи, раздавили – она его в ветеринарку несла в корзине. Насмерть обоих. Потом от полиции сюда, здесь машину кинули – и в здание. Заперлись изнутри, мужчина угрожал застрелить заложников, но мы вроде как отговорили (поднимает в руке мегафон и значительно им покачивает). Такие дела, товарищ майор.

Ауэрбах (задумчиво)

Да это я всё в курсе, в центре Б ещё ввели. Скажи лучше, капитан, а какие у них требования? Есть у них какие-то требования?

Капитан с мегафоном

Ждём ответа, товарищ майор. Хотите, прямо сейчас узнаем (с готовностью машет мегафоном)?

Ауэрбах (задумчиво)

Ну, давай, узнаем. Ты спроси, а я послушаю.

Капитан с мегафоном (громко в мегафон)

Так точно, товарищ майор. Внимание, внимание, говорит полиция. Нам срочно нужны ваши требования, повторяю, нам срочно нужны ваши требования.

В это же время из правой кулисы выходит старший лейтенант, крайне аккуратно балансирующий с полным водки пластиковым стаканчиком в руке. Во второй руке у него белый целлофановый пакет, в котором угадываются красноватые очертания литровой бутылки кока-колы и ещё какие-то небольшие свёртки. Старший лейтенант нерешительно подходит к капитану с майором и встаёт у них за спинами, совершенно не представляя, куда ему деть пластиковый стакан с водкой. Помявшись и оглянувшись вокруг, старший лейтенант аккуратно ставит стакан с водкой на асфальт под микроавтобус – перед задним его колесом. К этому же колесу лейтенант аккуратно прислоняет пакет с колой. После проделанных манипуляций лейтенант становится рядом с капитаном и майором. Тем временем приоткрывается входная дверь театра, в неё просовывается плачущая голова Наташи, удержанная за волосы рукой Шнобеля. Другая его рука приставляет к её темени пистолет. Над головой Наташи появляется голова Шнобеля.

Капитан с мегафоном (в мегафон, громко)

Внимание, граждане преступники, спокойствие, только спокойствие. Мы готовы выслушать ваши требования. Главное, не причиняйте вреда заложникам.

Шнобель

Слыши, мусора, че вы такие громкие? Делайте, главное, как сказано.

Капитан с мегафоном

Ну так ты скажи, а мы и послушаем.

Шнобель

Короче, так: в течении часа здесь будет батюшка и при нём сумка с двумя лимонами баксов, понял-нет? Ещё нужен вертолёт с халдеем и полными баками, чтобы хватило до шведов долететь. И без шуток, нервы сильно в струну.

Капитан с мегафоном (крайне удивлённо)

Сколько? Какой батюшка? Отец твой, что ли?

Шнобель

Ты чего, мусор, шутить изволишь? Я сказал попа мне церковного сюда через полчаса. И сумка при нем чтобы с двумя лимонами грин полюбому, понял?

Капитан с мегафоном

Зачем тебе священник? Где я тебе сейчас батюшку возьму?

Шнобель

Где хочешь, там и возьми. Батюшка мне для таинств нужен, грехи в дорогу с души будем снимать. Православный чтобы ортодокс, понял? Исповедь, причастие – всё такое. Потом пусть себе уебывает, а мы – в небеса и к шведам. За политическим убежищем. А то у вас тут кровавая диктатура и мрак, короче.

Капитан с мегафоном (несколько помедлив)

Нужно время на обсуждение твоих требований. Главное – не трогай людей.

Шнобель

Обсуждайте, че. Час вам даю.

Головы Шнобеля и Наташи исчезают из дверной щели, слышен шум закрываемой стулом двери.

Капитан опускает мегафон и поворачивается к Ауэрбаху. Ауэрбах, обнаружив присутствие старшего лейтенанта, кивает ему.

Капитан с мегафоном

Слыхали, товарищ майор?

Ауэрбах

Как не слыхать...

Полищук (обращается к Ауэрбаху, отдаёт честь)

Здравия желаю, товарищ майор. Старший лейтенант Полищук.

Ауэрбах (здравствует за руку со старшим лейтенантом)

Здоров, Полищук. Ну что... Штурмовать надо.

Капитан (трясущимися руками вытирает испарину со лба)

А что с заложниками, товарищ майор?

Ауэрбах присаживается на корточки рядом с колесом микроавтобуса, достаёт рацию, задумчиво вертит её в руках и недоумённо принюхивается к воздуху.

Ауэрбах (принюхивается к воздуху)

Заложники, заложники.... Поп, значит, вертуха и два лимонада... Заложники, заложники...

Полищук

Наркоманы проклятые, что с них взять, товарищ майор.

Ауэрбах (задумчиво, ведёт носом, смотрит вокруг себя)

А мы с них всё возьмём, Полищук, до последней капли крови. Хм, откуда здесь спиртягой прёт? На спирту, что ли, гроб ваш ездит? Или вы прямо тут, на спецоперации, водяру жрёте?

Полищук (смузённо, сбивчиво)

Товарищ майор, это всё я, наверное... Нарыв у меня внезапно открылся, товарищ майор. На левой ступне. Пришлось сходить в близлежащую рюмочную и купить сто граммов водки для дезинфекции и обеззараживания открытой гнойной раны.

В доказательство свежесказанного старший лейтенант делает несколько демонстративных шагов перед старшими офицерами довольно сильно прихрамывая на правую ногу.

Ауэрбах (смотрит на правую ногу лейтенанта)

А, ну тогда понятно, конечно... Сильно нварыв болит, Полищук? На левой ступне?

Полищук

Спасибо, товарищ майор, после дезинфекции мне гораздо лучше.

Ауэрбах (задумчиво)

А зачем же ты, Полищук, правой ногой хромаешь, если нарыв у тебя на левой ноге?

Полищук (озадаченно)

А-а-а, так ведь на правой нарыв-то, товарищ майор. А я разве сказал, что на левой? Извините, оговорился я, наверное.

Ауэрбах (тянется к колесу микроавтобуса и достаёт оттуда пластиковый стакан с водкой, нюхает его)

Ты кому мозги паришь, Полищук? Тут не сто граммов, а все двести. И потом, что-то я не вижу, чтобы отсюда убыло. Или ты рану еще не обрабатывал?

Полищук

Товарищ майор...

Капитан с мегафоном (перебивает лейтенанта)

Майор, тут такое дело. Это я попросил сбегать. Вчера сильно поддать пришлось, а сейчас надо в себя приходить, ну и... Трясёт, видишь (утирает испарину со лба). Вот так.... Я его попросил, в общем... Виноват, товарищ майор, можете составить рапорт.

Ауэрбах (усмехаясь, встаёт на ноги и протягивает стакан капитану)

На, держи лекарство. Какой тебе рапорт? Я тебя сразу срисовал, у меня глаз намётанный. Давай, капитан, лечись. Полищук, а ты молодец, далеко пойдёшь.

Полищук (весело)

Благодарю, товарищ майор.

Капитан с мегафоном (трёт лоб)

Ох, майор... Ну, я тогда... А? Совсем край.

Ауэрбах

Давай быстрее, дело надо делать. Время идёт.

Капитан с мегафоном (протягивает мегафон лейтенанту)

Полищук, подержи секунду.

Старший лейтенант Полищук берет мегафон в свои руки. Капитан принимает из протянутой руки Ауэрбаха пластиковый стакан с водкой и громко, резко выдохнув, залпом его выпивает, подергивая кадыком, после чего шумно занюхивает выпитое внутренним сгибом собственного локтя.

Старший лейтенант Полищук тем временем бросается к колесу микроавтобуса и, подняв пакет с колой двумя руками, протягивает его свежепохмелившемуся капитану.

Полищук

Товарищ капитан, товарищ капитан, а как же! Вот же это... Чизбургер! Закусить, товарищ капитан!

Видимо приободрившийся капитан делает резкий отрицательный жест рукой, достает из кармана красную пачку Marlboro и, достав сигарету, с аппетитом её закуривает.

Капитан (забирает мегафон у старшего лейтенанта, предварительно скомкав пластиковый стакан и бросив его себе под ноги)

Отставить, Полищук. Потом будем закусывать.

Ауэрбах

Подлечился? Мыслишка нарисовалась.

Капитан с мегафоном (с аппетитом курит сигарету)

Вроде подлечился. Поделившись, майор? Мыслишкой?

Ауэрбах (вертит в руках радио)

Предки мои из поволжских немцев, дед с бабкой баптисты были нешуточные. Дед староста общины был, на все собрания меня таскал, так что я с детства подкованый и легко могу по теме перетереть. Думаю, за пастора сойду вполне. Давай-ка ты впарь ему меня вместо попа – типа, православные батюшки все в театр идти отказались, а согласился один только баптист. Я туда с бабками зайду и за тему с ними говорить стану.

Капитан (качая головой, затягиваясь сигаретой)

Опасно, майор.

Ауэрбах

Есть идеи?

Капитан (затягивается, вздыхает)

Нет, майор, нету идей. Я мент простой, планировать не обучен.

Ауэрбах (задумчиво, внимательно осматривается вокруг)

Сейчас обучим. Ну, бабки из Центра Б подгонят, а вот куда вертушку? В принципе, на площади присядет.

Капитан

Ты их отпустить хочешь, майор? Вместе с бабками?

Ауэрбах (достаёт из-за пазухи телефон и прикладывает к уху)

Отпустить? Считай, они уже мёртвые. Алё, Мить? Ну чего, в принципе, тут ясно. Скоро внутрь пойду мозги им парить, альфа со снайперами параллельно с чёрного залезет. Живыми брать не будем, чтоб заложники гарантией не пострадали. Ну вот так, короче. Слыши, они два лимонада просят и вертушку, в Швецию лететь – сможем реквизит обеспечить? Да, надо два, чтобы убедились. Ты в рюкзаке сделай, чтобы у меня руки свободные были. А? Ну на площади пусть садится, у памятника Кирову, тут места вполне достаточно. Не, без вертушки они, думаю, не поверят. Да, альфа здесь, я с ними ехал. Да, Мить, погоди, перезвоню.

Ауэрбах убирает телефон в карман. Обращается к капитану.

Ауэрбах

Начальство одобрило, так что давай, капитан, подумаем как ты меня заместо попа сейчас представлять будешь.

Капитан (бодро)

Ну, я, наверное, скажу так: типа батюшки все отказались, а пастор согласился – и всё. Проверять же он не будет.

Ауэрбах (трёт виски)

Нет, больно просто, капитан. Не так, не так. Сейчас... В общем, легенда тебе: близлежащие православные храмы закрыты, а какие открыты – в тех службы вечерние идут, батюшки все

заняты. Свободен только пастор баптистской церкви “Родничок”, которая в соседнем торГОВО-офисном центре – у него служба только что закончилась. Скажешь, если конкретноПравославного нужно – придётся до ночи ждать, и то не факт, что согласится кто, а баптист – тут, в наличии, прямо здесь и сейчас.

Капитан с мегафоном

А почему “Родничок”, майор?

Полищук

На детский садик похоже. Солнышко, родничок... Снежинка...

Ауэрбах

Так община называлась, где дед мой старостой был. В общем, сейчас в дудку свою бандитов вызови и попробуй объяснить про пастора. Вертолёт и доллары, скажешь, будут через сорок минут. Как вертушка сядет, еще раз свяжемся и пусть меня встречают. А чего это доллары, кстати? Чего не евро? Швеция же.

Капитан

Наркоманы, майор...

Ауэрбах

Так ты скажи ещё наркоманам, что в Швецию доллары только наркоманы убитые везут, а приличные трезвые люди в Швецию везут евро. Так они быстрее тебе поверят. Психология (поднимает указательный палец вверх). Поговоришь?

Капитан с мегафоном

Прямо сейчас поговорить?

Ауэрбах

Ну а чего тянуть? За рога чертей – и на солнышко. Давай, попробуй, может они вообще в отказ пойдут, кто их знает, наркоманов. Или тебе текст прорепетировать надо?

Капитан с мегафоном (чешет затылок)

А хорошо бы пройтись разок. Может, ты за террориста, а я потренируюсь?

Ауэрбах

Какие вопросы, начинай. Ты, Полищук, за заложницу будешь. Иди-ка сюда, смоделируем.

Старший лейтенант Полищук подходит к Ауэрбаху, тот аккуратно обнимает его сзади рукой за грудь, а второй приставляет к его виску рацию в качестве подразумеваемого пистолета.

Полищук (драматическим фальцетом)

Пожалуйста, спасите меня от террористов!

Ауэрбах

Где мой поп, вертолет и бабки, мусора поганые?

Капитан с мегафоном (Ауэрбаху в выключенный мегафон)

Спокойствие, только спокойствие, не трогай заложницу. Вертолет с деньгами в пути, а с батюшкой непросто.

Ауэрбах

Как это с батюшкой непросто?

Капитан с мегафоном (в выключенный мегафон)

В православных храмах службы вечерние идут, все батюшки занятые. Их до ночи ждать надо, и не факт, что согласятся. Смогли тебе баптистского пастора найти. Пастор опытный, высший сорт. Из баптистской церкви “Родничок”. Как он узнал, что вы заложников в детском театре взяли и душу облегчить хотите, сам к вам запросился. Что думаешь, майор?

Ауэрбах (отпускает Полищука, хлопает его по плечу)

Ну нормально говоришь, всё правильно. Так им и скажи, дальше по обстоятельствам. Только я с альфой сперва согласую, а потом сразу вызывай в дудку этих чертей. И не забудь сказать им, что вертушка и бабки будут через сорок минут. Полищук, красавец! В кино тебе сниматься надо. Или в театре играть.

Полищук (весело)

Благодарю, товарищ майор

Ауэрбах (в рацию)

Шестой, шестой, приём, Ауэрбах вызывает, приём.

IV .Спасение

Прежняя имитация кукольного театра. Фоном довольно громко звучит звук винтов севшего на площади вертолёта. На авансцене – инвалидное кресло с Африканом Фёдоровичем, по бокам от него навроде караула спинами к настоящему зрительному залу стоят Лента и Самара. Африкан Фёдорович, напротив, развернут к настоящему зрительному залу лицом. В конце прохода разделяющего кукольный амфитеатр надвое, высунув головы наружу в приоткрытый створ дверей полуперпендикулярно к сценической поверхности стоит Шнобель и Наташа. К темени головы Наташи Шнобелем приставлен пистолет.

Шнобель

Слышь, баптист, сюда проходим с поднятыми руками. Заходи, заходи.

Шнобель убирает свою и Наташины головы внутрь и в дверях с поднятыми руками появляется Ауэрбах. Поверх плаща на спине его навроде парашюта надет большой презентовый рюкзак цвета хаки.

Ауэрбах

Добрый день. Пастор евангельской церкви “Родничок” Николай Ауэрбах.

Шнобель (приставив Наташе пистолет к голове)

Родничок? Ты, баптист, сперва дверь стулом запри. И руки на виду у меня держи.

Ауэрбах

Дверь стулом? Как это?

Шнобель

А вон, гляди, стул лежит. Видишь?

Ауэрбах (осматривается)

Да, вижу стул.

Шнобель

Ты, баптист, стулья ножкой в дверные ручки сунь и поднажми, чтобы покрепче. Понял-нет?

Ауэрбах

Да, понял. Сейчас.

Ауэрбах совершает со стулом требуемые манипуляции и проверяет надежность запора.

Шнобель

Молодец, баптист. Теперь вперёд иди. Видишь, на сцене люди? К ним иди.

Ауэрбах

Руки вверх мне поднять?

Шнобель

Да ты чего, баптист? Я что, наци? Просто в стороны расставь и иди себе вперёд.

Шнобель с удерживаемой им Наташей пропускают Ауэрбаха с расставленными руками вперёд и все они вместе движутся по направлению к фигурам на псевдосцене. Шнобель говорит в направлении рюкзака, висящего на спине у Ауэрбаха.

Значит, баптист. Слыши, баптист, я конечно, сам православный, но раз только баптист в наличии, так че уж. Все ведь мы реально братушки во Христе, точняк? Папенька у меня был протоиерей, настоятель был в Гатчине. Из Гатчины я родом. Бывал, баптист?

Ауэрбах

Нет, в Гатчине, к сожалению, бывать не приходилось.

Шнобель (останавливается)

Ну, ничего, ничего. Слышь, баптист, руки ты теперь опусти и рюкзак вот тут рядом с дедом поставь. Развяжи, чтобы мне видно было – че там.

Ауэрбах осторожно снимает со спины рюкзак, ставит его рядом с инвалидным креслом и, присев на корточки, развязывает его. Становится видно, что рюкзак полон зеленоватыми пачками денег.

Шнобель

Дай-ка, баптист, мне один кирпич.

Ауэрбах

В смысле, пачку?

Шнобель

Точняк, баптист. Дай мне сюда одну пачку.

Ауэрбах протягивает Шнобелю пачку денег.

Шнобель (берёт пачку и рассматривает)

А че доллары, я не понял? Мусор же говорил типа к шведам евро надо, а сами, вон, всё равно долларов наложили.

Ауэрбах

Я ничего об этом не знаю. Мне сказали доставить вам рюкзак и побеседовать с вами о спасении души.

Самара

Доллары, евро... Какая к херам разница?

Лента

Два мульта евро больше по курсу выходит.

Самара

По какому курсу выходит?

Лента

Откуда я знаю? По телеку говорили. Прямо по курсу иди, пиздоболка.

После этих слов голова Африкана Фёдоровича падает набок (на левый или правый – по усмотрению постановщиков(-ц)), очки валятся с головы Африкана Фёдоровича и со стуком падают на пол.

Самара

Че ты дед, дед ты че?

Лента

Самара, че с ним?

Самара

Я ебу, что ли, че с ним? Я че тебе, доктор Хаус?

Наташа (закрывает рот рукой)

Африкан Фёдорович, господи...

Шнобель (подходит к креслу)

Че тут такое? Че верещите, дуры?

Ауэрбах

Мне кажется, этот человек потерял сознание. Надо проверить пульс.

Шнобель подходит к креслу и, наклонившись к Африкану Фёдоровичу, похлопывает рукой сначала по левой щеке, а затем и по правой. Голова Африкана Фёдоровича падает на грудь.

Шнобель (озадаченно)

Опаньки. Походу преставился дедушко.

Наташа

Африкан Фёдорович, господи...

Ауэрбах

Разрешите, я проверю пульс?

Шнобель

Ну проверь, баптист, проверь, че ты спрашиваешь.

Ауэрбах подходит к креслу с Фёдором Африкановичем, прикладывает два пальца к его яремной вене, ждёт какое-то время, затем отрицательно качает головой.

Ауэрбах

Нет.

Наташа (плачет)

Африкан Фёдорович, господи...

Самара

Приехали.

Лента

Уехали.

Наташа (плачет)

Африкан Фёдорович, господи...

Ауэрбах

Я думаю, это инфаркт.

Шнобель (раздраженно)

Не, на инсульт больше похоже, баптист. Папенька мой вот так помер прямо в соборе на рождественской службе.

Стоял, стоял – и брык. Прямо на амвоне замертво рубанулся. Инстульт это, видит бог, короче.

Ауэрбах

Благословение господне есть возможность покинуть мир земной во служении Отцу нашему. Так вы утешьтесь, молодой человек, ибо пребудут все страждающие в царствии небесном.

Шнобель (нервно)

Месяц уже утешаюсь. Слыши, баптист, ты, давай-ка, быстрее грехи отпустай, нам это, лететь надо. Вертолёт слышишь?

Ауэрбах

Вертолёт? Грехи отпускать?

Шнобель

Исповедь принимай. Давай прямо сейчас замутим, а то нам конкретно пора (кивает головой в сторону звука винтов вертолета).

Ауэрбах (спокойно)

Исповедь не принята в нашей церкви ибо мы, баптисты, не находим в Библии оснований для неё и не считаем, что исповедь перед служителем церкви необходима для прощения греха Господом.

Шнобель (ошарашенно)

Да ты чё, попстер? А зачем вообще ты нам нужен был тогда?

Ауэрбах (спокойно)

Я деньги ваши принёс. Но как служитель Господу могу лишь сказать вам, что очищение вашей души от грехов не требует чьего либо непосредственного участия кроме вас самого. Бог сам по молитве простит вам.

Шнобель (зло)

Охуеть, блядь... Ну, мусора поганые... А я сразу говорил – дайте нормального ортодокса. И че, баптист? Как теперь на дорожку душу грешную чистить?

Ауэрбах

Я могу вам предложить помолиться вместе со мной.

Шнобель (недоверчиво)

Помолиться? Че, девки, будете со мной чиститься?

Самара

Слыши, очиститель, иди-ка ты в нахуй.

Лента

Во-во.

Шнобель

Господь вам судья, грешницы. Давай, баптист. Давай помолимся. Жарь.

Ауэрбах встаёт справа от кресла, Шнобель встаёт слева от кресла. Женщины молча смотрят на происходящее.

Ауэрбах (складывает руки лодочкой)

Повторяйте за мной, молодой человек. Отче наш, сущий на небесах!

Шнобель (складывает руки с пистолетом лодочкой)

Отче наш, сущий на небесах!

Ауэрбах

Да святится имя твоё!

Шнобель

Да святится имя моё

Ауэрбах

Да приидет Царствие Твоё!

Шнобель

Да приидет Царствие моё!

Ауэрбах

Да будет воля Твоя и на земле, как на небе!

Шнобель

Да будет воля моя и на земле, как на небе...

Раздаётся звук трех слившихся в один выстрелов. Шнобель, а также Лентя и Самара падают замертво, и на сцену из кулис выбегает спецназовцев в чёрном.

Наташа визжит, Ауэрбах быстро кидается к ней и обнимает за плечи.

Ауэрбах (обнимает Наташу)

Всё, всё, всё хорошо. Всё кончилось, девочка, спокойно. Ребятки, скорую надо, у нас заложник крякнул, похоже.

Один из спецназовцев (в рацию)

Сотый конурé, сотый конурé, приём, приём. Скорую бригаду срочно со входа, пострадал заложник. Повторяю, скорую бригаду сюда, пострадал заложник. В остальном всё чисто.

Ауэрбах

Уродов ещё проверьте. Красавцы ребятки, как по маслу. Всё, девочка, всё, уходим отсюда.

Один из спецназовцев бросается к Африкану Фёдоровичу, трое – к Шнобелю, Ленте и Самаре.

Ауэрбах, обнимая плачущую Наташу за плечи, ведёт её к выходу на улицу. Спецназ частью (двоем) водит стволами по сторонам, частью (четверо) копошится у мертвых тел. Ауэрбах вытаскивает из ручек двери воткнутый в них ножкой стул, затем Ауэрбах и плачущая Наташа выходят в открытые двери. Гаснет сценический свет.

V. Крипта

На сцене – пять уличных барных столиков, расположенных под противосолнечными грибками (или зонтиками). Столики принадлежат пивной, расположенной в здании по соседству.

За четырьмя из них видны фанерные силуэты посетителей пивной, застывшие в разных позах с жидкостными ёмкостями в руках. На улице, по всей видимости, жарковато. За центральным столиком друг напротив друга сидят двое молодых мужчин, один из них – в антибактериальной маске, закрывающей половину лица. Кроме того, на нем зеркальные солнечные очки и красная бейсболка с эмблемой NY Yankees. Перед ним на столе стоит открытый макбук, на котором человек в маске что-то усердно печатает. Человека зовут Саша (Алекс). Напротив человека в маске сидит смазливый, гладко выбритый, тщательно остриженный и несколько женственный блондин в шортах, вертящий улыбающейся головой по сторонам. Это Рома, сын Африкана Фёдоровича.

Фоном слышна разноинтонационная польская речь, звук следующих мимо машин, звон пивных бокалов, стук столовых приборов о фаянс и стекло, пение городских птиц, а также шуршание листвы близрастущих лип и клёнов – то есть, обычная звуковая текстура предвечернего Вроцлава.

Рома

Саш, а Саш?

Алекс (внимательно смотрит в экран, пальцы скользят по трекпаду)

Ну?

Рома

Саш, ну как там?

Алекс (весь в трейдинге)

Чего как?

Рома

Ну как идёт там?

Алекс (работает)

Где там?

Рома

Ну, в крипте

Алекс (работает)

Идёт – только вьёт.

Рома (вертит головой по сторонам, отбивает руками ритм по столу)

Это значит хорошо? Может, ты хотя бы посмотришь на меня, Саш?

Саша не отвечает, смотрит в монитор, продолжает елозить пальцами по клавиатуре и трекпаду. Тем временем, между столов с фанерными поляками лавирует молоденькая официантка с подносом, на котором стоят два бокала с пивом. Один бокал с чёрным стаутом, второй — с белым вайсбиром. Официантка, улыбаясь, подходит к столу, молча ставит бокал с чёрным пивом перед Ромой, а с белым — перед увлечённым работой Алексом. Виляя обтянутыми бёдрами, официантка уходит.

Рома (уходящей девушке)

Dziękuję, dziewczyno.

Трогает Сашу рукой за шею

Саш, ты тут вообще? Пиво принесли. Ты че не отвечаешь, Саш?

Алекс (раздраженно, на повышенных тонах, сбрасывает руку с шеи)

Не трогай руками грязными, терпеть не могу. Слушай, тут памп конкретный, я ордера не успеваю выставлять. Посиди тихо, попей молча пивка.

Рома (обиженно)

Ты чего? Не с той ноги встал? Вчера на грязные руки не жаловался.

Алекс (крайне раздражённо, елозит пальцами по трекпаду)

Я работаю, деньги зарабатываю. А ты не работаешь, деньги не зарабатываешь. И меня отвлекаешь, понял? Попей пиво, я не знаю, вейп пососи. Не мешай.

Рома (обиженно, чуть не плача, подёргивая губами)

Ты чего, Саш? Ты скажи нормально, я что – дурачок, нормально не пойму? Хамить-то зачем? Такое настроение было...

Внезапно заучит рингтон айфона. Рома судорожно лезет в карман шортов, достает айфон, смотрит, кто звонит и подносит айфон к уху.

Рома (шмыгает носом)

Да, папуль, привет. Как? Да я все также, трудимся днём и ночью. Дела идут, окей-зергут. Ты сам-то как? Ну и отлично, молодец. Не знаю про Питер, пока не собираюсь. Что? А когда премьера? Не знаю, обещать не буду: сам понимаешь – работа. Ну, я постараюсь, конечно. Да, я тебя тоже обнимаю. Наташке привет. Бай.

Рома кладёт айфон на стол, берёт свой стаут, отпивает глоток, затем достаёт небольшой квадратный вейп красного цвета и делает несколько затяжек, пуская пар кольцами.

Рома (выпуская кольцами пар)

Папа звонил.

Алекс (смотрит в ноутбук)

А?

Рома

Отец звонил, говорю.

Алекс (смотрит в ноутбук)

И чё?

Рома

Да ничё. Премьера у него через два месяца, в Питер зовёт.

Алекс (смотрит в ноутбук)

Так ты поезжай. Съезди к папе на премьеру.

Рома (делает глоток) Я не хочу никуда от тебя уезжать. Чё мы вечером? Может, в “Кактус”?

Алекс внезапно отрывается от ноутбука, закрывает крышку, берёт стакан вайсбира и отпивает значительное количество.

Алекс (вздыхает)

Надо поговорить.

Рома (отпивает из бокала)

Ну я давно говорю, это ты всё молчишь.

Алекс

Всё кончено.

Рома

Что кончено?

Алекс

Всё. Всё кончено. Ты сегодня же заберёшь вещи и свалишь из моего лофта.

Рома (растерянно)

Что ты такое, Саш... Почему? Что вообще... Что случилось, Саш?

Алекс

Я не хочу тебя видеть. Не надо здесь сцен и разговоров. Просто уезжай.

Рома (прячет лицо в руки)

Куда?

Алекс лезет в карман, достаёт оттуда деньги и кладёт перед Ромой.

Алекс

Вот пять штук евро, бери и вали куда хочешь. Ключ оставишь в лобби у охранника. Я сегодня не дома, приду утром – тебя не будет. Понял? Рекомендую съездить к папе на премьеру. Ариведерчи.

Алекс резко встаёт из-за стола, залпом допивает свой вайсбир, берёт ноутбук, сует его в рюкзак и, хлопнув оторопевшего Рому по плечу, уходит во тьму правой кулисы, лавируя между картонными поляками. Рома сидит какое-то время молча, потом берёт со стола деньги, пересчитывает их и кладёт в карман. Затем он допивает свой чёрный стаут, встаёт, кладёт на стол купюру и, также лавируя между картонными поляками, уходит в левую кулису.

VI.Сон

Посреди сцены стоит квадратный деревянный кухонный стол небольшого размера, тускло освещённый трёхрожковой люстрой. На столе стоит полупустая бутылка Martini Rosso и пустой гранёный стакан. За столом на стуле сидит Наташа. Одета Наташа сейчас в махровый домашний халат, так как находится она у себя дома, а именно – на съёмной двухкомнатной квартире в Купчино. Наташа шуршит пачкой таблеток, затем, вскрыв её, она закидывает одну или две в рот, наливает из бутылки полный стакан бурой жидкости, залпом его выпивает, морщится, ставит стакан на стол и закрывает лицо руками. Говорит сдавленно, хрипло, полушиботом.

Наташа

Что же... Что же она.... Ну... Почему молчит? Хоть бы слово, хотя бы...

Сраное словечко... Голова кружится... Кружится голова моя....Почему всё это дермо мне? По-че-му? Откуда они здесь взялись, эти твари? Блядь, да в Питере миллионы – нет, в заложники берут именно тебя. Что-то с тобойне так, что-то с тобой явно не так. Господи, Гэндалльф бедный... Африкан Фёдорович... Африкан... Сгорел на работе... Как же

теперь с работой? Надо с Лео... Правда, поговорить с Лео – может, к

Приборскому? Да на кой ты чёрт ему, там очередь стоит. Сука... (*смотрит на блистер с таблетками*) Валиум. Валиум-хуялиум. Тыква как в тумане... Тыква сейчас расстает и утечет под стол. Ну и хорошо, ну и

пусть течёт тыква.

Наташа наливает ещё полстакана и выпивает залпом.

Какая... Всё же... Какая отвратительная... Пакость, мерзость... Не мог
Лёвшка... Ну взял бы в дыюти сухой... Бьянки... Нет... А вот надо было
этую... Эту муть... Тащить сюда... При-тор-на-я дрянь... Ко... Ком...
Ком...Пот... Из... Ком... Поста... Тьфу...

*Затем она, пошатываясь, встаёт из-за стола и принимается неровно
ходить из стороны в сторону, заговариваясь репликами.*

Да что же... (всхлипывает) Как теперь-то... Что же ты... Молчишь...
Девочка... Моя.... Этот... ко... кобель хоть ... Бы копейку... Да хоть....
хоть... Со своего корыта... Круизыблядь... Аниматорсссука... Херов...
Сссволочь... Как... Как теперь... Квартиру... Чччёрт... Сама... Сама ви...
Ви... Вино... Вата... Сама... Не надо... Было... Ляшки раз... Раздвигать
на первом... Сви... Дании... В летнем... Сссаду... Сссреди... Бела... Ну
ты... Ты же.... Всегда... Всегда... Ос-то-рож-но... Всегда... А тут... Ну
ладно... Раздвинула, ладно... Все... Все раз-дви-га-ют... Всегда...
Ладно... Все... Но как... Как же... Ты... На первом... Самом...

Свиданий...

Без... Гандона... Член... Незнакомый... Засунуть... В себя... Разрешила...
Наталья... Николаевна... Как... Последняя... Блядь... Только...
Бес-плат-но... Дура... Дура... Набитая... Господи... Глупо... Мерзко...
Ох... Закружило... Совсем... За-кру-жи-ло... Это... Колеса...
Наплевать...

*Пошатнувшись, Наташа, возвращается к столу и, ещё раз пошатнувшись, скрипнув
стулом, садится. Трясущимися руками она тянется к бутылке с вермутом, наливает из нее
в стакан некоторое количество жидкости, неверной рукой поднимает вверх и,
прищурившись, смотрит через стакан на люстру. Говорит спотыкающимся языком.*

Ну, сccccccc.... Сcccc.... Сcccccc днём рождени. Пуссссть у нас нач...
нас... на-чи-на-я сcccc 333333..., 333... 333333... 333333автрашнего дня
все будет хо-хо-хо... (икает)

Наташа ещё несколько раз икает, затем выпивает из стакана.

Может, а... М-м-может, п-плонуть...(икает) Может, обратно... В Мо...
В Мос... В Мос-кву... М-м-может... В Москву? Обр- рратно? В куклы-то уж.. (икает) Да
всяко... По-любому... Вкуклы-то... Не пропадём... Черт бы с Питером...
(икает) Там мама... Яу нее дочка... Пахнет... Как в детстве... Улицы
родные... Ясени... Голуби... Мамочка... Моя... Хорошая...

Из соседней комнаты слышится тихий детский плач. Наташа поднимает голову и осоловело вертит ею по сторонам. То ли стонет, то ли напевает, то ли бредит в условной форме какого-то нелепого пьяного причета-распева:

Кто... Что... Где... Этот... Плач... Аааа... Про... Про... Снул... Ась
Моя... Хо... Рошая... Моя... Прос... Нулась... Моя... Де... Вочка...
Надо... Ещё... Надо... Нам... Ещё... Поспать... (баюкает) Ааааа...
Ааааа... Ааааа... Ааааа... Ааааа...

Наташа вертит некоторое время головой, то ли напевая отрывки колыбельной, то ли издавая полукрик-полустон, напоминающий журавлиное курлыканье. Затем Наташа, неверно встав из-за стола, оглядывается по сторонам. Пошатываясь, она наливает себе вермута, залпом его выпивает и, отступаясь, неровно выходит из зоны освещения стола куда-то во тьму. Плач ребенка становится всё громче и громче, фоном ему начинает звучать [дорожка Ольги Сергеевой «Сняжки сыплють»](#). Некоторое время уровни громкости детского плача и музыки звучат одинаково, затем плач слышен тише, тише, тише и, наконец, перестаёт звучать совсем. [Звучит дорожка Ольги Сергеевой «Сняжки сыплють».](#)

На авансцене – тускло освещенный трехрояковой люстрой стол с бутылкой мартини и стоящий за ним стул. Музыка прекращается, из темноты выходит какая-то расстрепанная Наташа, она держит в руках довольно большую белую подушку.

Наташа (шатаясь, улыбается, укачивает подушку, гладит её, напевает
обрывок колыбельной)

A' a-áa-áa-á, áa-áa-áa-á, áa-áa-áa-á, áa-áa-áa-á,
áa-áa-áa-á... (5 раз)

Наташа садится на стул, кладет подушку на колени, укачивает, гладит её и начинает произносить сдавленным, каким-то мультипликационным псевдо-детским голосом, делая между словами длинные ровные паузы:

Ма-ма.....

Ма-ма.....

Ма-ма.....

Ма-ма.....

Ма-ма.....

Ма-ма..... (6 раз)

Затем Наташа кладёт руки на стол, роняет туда же голову. Подушка падает на пол с её коленей.

Гаснет сценический свет.